

АНИТА ФЕБЕРС

ОГНЕВИЦА

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Ф31

Феверс, А.

Ф31 Огневица / А. Феверс. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. – 498 с.

ISBN 978-5-521-92584-1

В Беловодье знают: огненными колдунами бывают только мужчины.

Итрида верила в эту правду, пока однажды огонь не изменил всю ее жизнь. Теперь она бродяжница без роду-племени, а ее единственная семья — ее шайка. Но однажды прошлое настигает ее, не спросив дозволения, и опасность вновь грозит тем, кто стал ей близок.

Марий Болотник пообещал светлому князю, что отыщет того, кто сгубил его родителей и невесту, но все следы уничтожены. Семь весен спустя дорога приводит Мария в Каменку, где он встречается то ли великое чудо, то ли великое зло — женщину с даром огненосца. Как она связана с убийцами княжеского рода — и связана ли?

Вьется веретено Прях, выплетая нити человеческих судеб, и чем дальше, тем причудливей их рисунок...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Анита Феверс, текст, 2021
© Наталья Динер, обложка, 2021
© Дмитрий Брагин, карта на форзаце, 2021
© Евгения Фролова, внутреннее
оформление, 2021
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-92584-1

ПРОЛОГ

Створки стрельчатых дверей, украшенных двумя огненными птицами, разошлись без единого скрипа. Солнце скользнуло по красным перьям, сверкнуло в золоте глаз, но в темном хмуром взгляде запуталось и будто бы погасло. Последние сполохи сверкнули багрянцем в темных волосах вошедшего, в беспорядке рассыпавшихся по плечам. Мужчина отвел несколько прядей с лица. На той части запястья, которую не скрывал рукав черного кафтана, виднелись едва затянувшиеся порезы и начавшие желтеть синяки. Кафтан украшала тонкая вышивка золотой нитью, два ряда золотых пуговиц шли от ворота до паха, да над сердцем горело огненное кольцо — знак дейвасов. Вот и все цвета, что были в облике Мария Болотника.

Он ступал неслышно, но уверенно — знал свое право находиться в этих покоях в любое время. Ныне в зале не толпились просители. Возле окна стоял маленький столик, уставленный лакомствами и накрытый узорчатой тканью. Пар поднимался над чашкой из тонкого перламутрового фарфора, привезенного с островов Ущербной Луны. Чай был нетронут, как и сласти.

Марий миновал угощение и прошел вглубь зала. Остановился в десяти шагах от пустовавшего трона и сунул ладони за пояс.

Заговаривать не спешил — давал тому, кто его вызывал, собраться с мыслями.

Князь Светогор стоял у окна. Он заложил руки за спину, отчего тяжелый плащ, подбитый соболем, собрался складками, обнажая перевязь с мечом. Княже не расставался с оружием ни днем, ни ночью, и на то была причина. Марий болезненно поморщился. Как ни убеждал он Светогора, что тот ничего не смог бы противопоставить огненной ворожке напавших, князь все равно продолжал винить себя в случившемся.

Светогор не спешил начинать разговор. Марий вздохнул, подошел и встал рядом, привалившись плечом к стене. Свет заходящего солнца отразился от расписного окна женского терема — единственного, которое уцелело — и заплясал по лицу князя. Лучи высвечивали то залегшую меж бровей морщинку, то горькие складки в уголках губ. Пытались добраться и до глубины спокойных серых глаз, но горе, живущее в них, было темнее, чем одежда дейваса. Не справившись, солнце стыдливо спряталось за тучу, окрасив ее брюхо в красный и золотой. Над обломками здания, некогда звавшегося Каменным Цветком Червена, кружили вороны — целая стая.

— Они летают там днями напролет, — тихо проговорил Светогор. — Хотя тела давно убрали.

— Я могу их сжечь, — предложил Марий, но князь лишь качнул головой.

— Люди думают, что птицы скорбят, — Светогор скривил губы. — Кое-кто твердит, что они — воплощение горя воленцев, осиротевших без своего князя.

— Теперь у Беловодья новый князь, — негромко, но твердо напомнил Светогору Марий. Тот начал было говорить, но дейвас шагнул ближе и крепко стиснул плечо молодого правителя, прервав сбивчивую речь. — Мы найдем убийцу. Но сейчас ты должен удержаться Беловодье от смуты. Твои отец и дед были князьями. Ты не имеешь права поддаваться чувствам и допускать разрушение того мира, что они создавали.

Князь сгорбил плечи и глубоко выдохнул, точно пытаясь так избавиться от тяжелых дум, бродящих в его голове. Он покачнулся и наклонился вперед, уперевшись руками в резной подоконник. Его взгляд неотрывно блуждал по женскому терему, пытаясь увидеть отблеск солнечного зайчика. Когда-то игривое пятнышко света, пущенное маленьким ручным зеркалом, служило приглашением. Тогда князь менял пышные одежды на одеяние стрельца, вооружался огнестрелом и засапожным кинжалом и отправлялся «гулять по крышам» — так она называла их шалости. Смешливая, всегда улыбающаяся, она уже ждала его в схожем наряде, разве что оружие не любила. Князь и его подруга вместе отправлялись в город — пить золотое вино и лихо отплясывать на площадях вместе с лицедеями.

Некому больше пускать солнечных зайчиков. И зеркальце, оттянувшее карман, отныне бесполезно.

Светогор быстро отер глаза, словно смахнул невидимую соринку. Глубоко подышал, запрокинув голову, и наконец повернулся к дейвасу.

— Здравствуй, Марий.

— Золотым лучом дорога, светлый князь.

Светогор поморщился.

— Никак не привыкну. Зовут меня, а чудится — отца окликают...

Князь и дейвас, не сговариваясь, посмотрели на тяжелое кресло из мореного дуба. Его подлокотники были выполнены в форме голов хищных птиц; такая же птица, только огненная, распахивала крылья на красном гобелене позади трона.

Княжий род огненных птиц едва не оборвался по чьему-то злому умыслу. Но Светогору посчастливилось спастись, и смуты удалось избежать. Сегодня шел седьмой день, как на каждом окне Червена — столицы Беловодья — развернулись черные полотна в знак траура. Марий знал, что такие же тряпки плещутся на ветру в каждой, даже самой дальней и захудалой волости — везде, куда смогли долететь вороны-вестники. Дернуло болью левую руку — ту, что едва не перешибло рухнувшей балкой в горящем

Каменном Цветке. Лаумы наспех затянули рану, но до конца вылечить ее не успели. Глава Школы почти не смыкал глаз в первые дни после случившегося и старался не терять ни единой минуты на праздное ожидание. К которому причислил и собственное лечение.

А ведь ему едва стало казаться, что в Беловодье установилось шаткое равновесие. После возвращения лаум навьи попрятались по норам, и кмети вздохнули чуть спокойней. Принялись осушать болота, вырубать леса, расстраивать волости. Понемногу, по чуть-чуть, подолгу и не без труда договариваясь с лесными и водными навьями и живниками. Видать, кому-то крепко не понравилось усиление лесного княжества. И, стоило прибыть на подворье терема невесте Светогора, царевне Лебедяне, как неизвестный колдун нанес сокрушительный удар. В огне погибли отец и мать Светогора и его несостоявшаяся невеста, с которой они провели вместе едва ли две седмицы.

Но Светогор тосковал не только о семье. Его сердечная подруга, что тоже жила в женском тереме, сгинула в огне вместе с Лебедяной. Светогор своими глазами видел, как огонь упал с неба на Каменный цветок и мигом охватил его до самого венца, с одинаковой легкостью пожирая и дерево, и камень. Марий до сих пор помнил, как сжимал окаменевшие плечи Светогора, не давая другу броситься в пламя. Позже дейвас неслышной тенью следовал за князем, пока тот потерянно бродил на пепелище. Все, что осталось от черноволосой Ренеи — зеркальце в обрамлении кованых листьев. Единственная вещь из ее прошлого чудом уцелела в колдовском огне.

Светогор повернулся спиной к трону и опустился за столик с яствами. Его руки легли на стенки чашки с чаем. Князь поднес ее к губам, подул, но вместо того, чтобы выпить, снова поставил чашку на стол. Под его серыми глазами залегли черные тени.

— Не заставляй приставлять к тебе няньку, чтобы она кормила тебя с ложечки, — Марий опустился напротив князя. Налил себе душистого исходящего паром напитка, проследив, чтобы на-

стой получился темным, почти черным. Пригубил терпкую горечь, внимательно разглядывая Светогора поверх фарфорового края.

— Прекрати, — молодой князь поморщился. — Я не совсем еще разум потерял. В Навь не собираюсь. Хотя... ты мог бы меня проводить, — во взгляде Светогора блеснула безумная надежда, но погасла сразу, как Марий отрицательно качнул головой и твердо припечатал:

— Нет. Мертвых не возвращают даже боги. А твоя подруга не заплутала меж миров, как бы тебе ни хотелось в это верить. Ясмена скажет тебе то же самое.

— Уже сказала, — неохотно признался Светогор, и Марий устало откинулся на спинку скамьи.

— Сама пришла?

— Да. Велела не искать ничью душу — в Серой Чаще ни одна не заплутала, а значит, все отправились в Нижний мир. Знаешь, — Светогор задумчиво покрутил кольцо на указательном пальце, — мне казалось, она хочет сказать что-то еще, но более ни слова не прозвучало. А Хранительница исчезла.

Дейвас в задумчивости потер уголок рта костяшками пальцев и отпил еще чая. Горечь прочищала мысли и заставляла их бежать быстрее. Показалось даже, что неумолчный вороний грей за окном стал громче, приблизившись. Вдруг рассеянный взгляд Светогора обрел прежнюю остроту, и он внимательно поглядел на друга:

— Марий, а когда ел ты сам?

— М-м-м, — дейвас оглядел стол, но там были только сладости. Марий сдался и подхватил с блюда пирог, отчаянно надеясь, что он будет мясной. Только надкусив, дейвас осознал, что в его животе не было ни крошки с прошлого утра.

Пирог оказался яблочным.

— Если мы оба заморим себя голодом, кто останется во главе Беловодья? — грустно улыбнулся Светогор. Марий медленно пережевывал мягкое тесто. Князь перевел взгляд в окно.

— Уже седмица, и по-прежнему ни следа, — прошептал он.

Кусок встал поперек горла дейваса. Он бесшумно положил пирог и медленно вытер пальцы о расшитое полотенце. Желваки играли на лице Болотника, но голос его был тверд, когда он снова заговорил:

— Мы их найдем. Найдем тех, кто убил твою семью. Куда бы они ни спрятались — мы их отыщем. Я выделю тебе надежных людей для защиты. И надеюсь, что ты не будешь от них сбегать. Не в нынешнее время.

Светогор нащупал маленькое зеркальце в белой раме и сжал его так сильно, что острые края кованых листьев до боли вонзились в пальцы.

— Нынче не только время иное, друг мой. Но и я.